

XX 63  
II

Библиотека  
имени  
В. И. Ленина  
СССР

9



# МУРЗИЛКА

ОГИЗ ДЕТГИЗ Сентябрь 1934

# ПЕРВЫЙ В МИРЕ

17 августа этого года в Москве открылся Первый всесоюзный съезд советских писателей.

Приехали писатели Белоруссии, Украины, Грузии, Азербайджана, Татарии и много других.

Приехали даже заграничные писатели: американские, японские, немецкие, датские, китайские и др.

Все они собрались в Колонном зале дома Союзов.

Это был первый съезд не только в Союзе ССР,— это был первый съезд писателей в мире.

На этой картинке ты видишь президиум съезда. Ты, наверное, сразу узнал его председателя. Это—Максим Горький, самый любимый пролетарский писатель.

На съезде говорили о том, какие книжки больше всего нужны рабочим и колхозникам, как работают писатели за границей. Говорили о книжках для ребят. Некоторые ребята и сами приехали на съезд. На этой картинке ты видишь иркутских пионеров.

Они сами сочинили книжку про свою жизнь и работу и назвали книжку «База курносых».

А это московские пионеры. Они тихонечко пробрались на хоры, разместились по разным углам и потом вдруг закидали съезд цветами. Медленно кружились и падали сотни маленьких авиомоделей. Многие взрослые писатели плакали от радости и гордости, слушая приветствия своих юных читателей и друзей.

А о книжках для ребят говорил детский писатель Маршак. Ты, наверное, читал его «Почту», «Пожар», «Рассеянный с улицы Басейной» и другие книжки. Перед докладом он прочитал сотни ребячьих писем. Потом рассказал съезду, о чем ребята хотят узнать из книг. Они просят книжки и про диких зверей, и про небесные светила, и про пустыни, и про полярные страны, и про войну, и про заграничных пионеров. Они хотят, чтобы книжки были «толстые» и «длинные».

Писатели слушали и обещали ребятам написать такие книжки.

Требуйте, ребята, чтобы они свое обещание выполнили.



## мурзилка

ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ  
ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО  
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

СЕНТЯБРЬ 1934

№ 9

ОГИЗ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕТГИЗ. Москва, Центр, Б. Черкасский, 7 Тел. 71-86

XX 63  
11



# АРТЕК.



Л. Родэ  
Худ. Р. Барто

В этот день Левку, ударника учебы, премировали путевкой в Артек. Октябренок Яша, с которым Левка поспорил из-за воробья, принес ему записку в конверте.

— Я написал тебе это, чтоб ты не забыл, — возьми с собой в Артек штиблеты, фотоаппарат, поплавков... — скороговоркой сказал Яша.

— Спасибо, — сказал Левка.

— Не жалко, — сказал Яша. — Мне воробья тоже не жалко. Пускай ты его выпустил. Ты едешь в Артек?

— В Артек.

Левка рассказал Яше, какой это замечательный лагерь — Артек. Яша почти не завидовал. Артек на самом берегу моря? Пускай. Черное море голубого цвета? Все равно. В Артек со всех концов Союза и даже из-за границы съезжаются ребята? Пускай съезжаются.

Левка не хотел портить отношений, но в Артек Яшу не пустят. Туда едут ударники, лучшие из лучших, а Яша пишет с ошибками и ведет себя некультурно с воробьем.

Накануне отъезда, ночью, Левка проснулся. Он лежал в темноте и размышлял. Рубашка обнимала рукавами спинку кровати, и от этого было немножко страшно.

— Щетка! — вдруг басом сказал Левка.

Он зашлепал босиком по холодным половицам, не нашел выключателя и заблудился. Он громко ударился лбом о твердый бок книжного шкафа. Пошарил в темноте, пошел назад и наткнулся

животом на острый угол стола. Несколько секунд Левка молча растирал живот и соображал. Потом он повалился на бабушкину ширму и наступил на спящую кошку. Кошка проснулась и поцарапала Левкину ногу.

Когда Левка с чемоданом втиснулся в трамвай, начались неприятности. На него напирали. Чемодан вырывался из рук. Левка протянул кондуктору вспотевший гривенник.

— Получите. Артек.

— Кого? — удивился кондуктор. — А еще пионеры!

Взгон качнуло, и гривенник, как лягушка, прыгнул с ладони.

— Билет, — сконфуженно поправился Левка. — Я, знаете ли, еду в Артек.

— Вы где сходите? — спросил кто-то сзади.

— В Крыму! — восторженно признался Левка, глядя на кондуктора, и нагнулся за гривенником. Трамвай снова качнуло. Левка крикнул и уткнулся носом в чьи-то колени.

В вагоне собралась почти вся Московская область. Левка полез с чемоданом на верхнюю полку.

— Свалишься? — с надеждой спросила худенькая девочка с толстой косичкой.

— Посмотрим, кто свалится, — сказал Левка и чуть не свалился с полки.

— Тронулся! — закричала девочка. Косичка запрыгала, как живая.

— Это поезд тронулся, — басом сказал Левка, — а я вовсе нарочно прыгнул. И можешь косичкой не махать.

По бокам поезда бежала степь.

В Симферополе ребят ждал автобус. Дорога от Симферополя кружилась в горах винтовой лестницей. Горы лезли в самое небо. На верхушке лежал снег, похожий на соль.

Автобус шел над обрывом. Ребята ахали хором. Через несколько часов путешественники добрались до Артека.



Левка выпрыгнул из автобуса и остолбенел. Рядом шумно ворочалось море. Волны толкались и лезли на берег. Домики с вытянутыми боками блестели светлым лаком. На крылечках стояли ящики с цветами. Красный флаг на мачте подставлял солнцу то один бок, то другой. Левка подумал: «Это все не на самом деле». Огромная скала в море, спина горы совсем медвежья, деревья с острыми, как карандаш, верхушками. А листья пальм вроде рук со множественностью растопыренных пальцев.

Девочка с косичкой выпрыгнула вслед за Левкой. Косичка весело шевелилась на спине.

Путешественников прежде всего повели в баню—смыть дорожную пыль. Левка заметил мальчика круглоскулого, с узенькими добрыми глазами. Несколько ребят в белых трусах стояли перед ним. Они хлопали себя по коленкам, разводили руками, качали головами.

— Не понимает, — сказал один из ребят.

— Он из самой Туркмении приехал.

Левка подошел к туркмену. Они долго и внимательно смотрели друг на друга. Туркмен улыбнулся.

— Артек, — сказал Левка. — Прямо не может быть!

В артекской бане Левка был сам первый раз, но решил показать туркмену, как нужно мыться в Артеке. Он взял губку, поскользнулся, смазал туркмена по носу и сам сел прямо в шайку с горячей водой. Туркмен потерял равновесие и свалился на Левку. Левка выскочил из шайки под теплый душ. Из душа полилась холодная вода. Левка взвизгнул, а туркмен левкиной губкой потер себе голову.

Вечером в палатке Левка пробовал объяснить новому товарищу, как нужно спать в Артеке.

Туркмен увидел вторую простыню под одеялом и не решился лечь.

— Не понимает, — сказал Левка и дотронулся до галстука.

— Галстук.

— Гальстик.

— Пуговица.

— Пуголица, — согласился туркмен. Он посмотрел на вторую простыню, вздохнул и потрогал простыню пальцами.

Через несколько дней Левка и Нурр-Яхди — так звали туркменского мальчика — отлично понимали друг друга. Левка не умел говорить по-туркменски, а Нурр-Яхди — по-русски.

Левка начал работать в военном кружке, а Нурр-Яхди — в живом уголке. Они оба вскакивали утром по горну, завязывали галстуки, прилаживали панамы и чувствовали себя настоящими артековцами.

Высоко над морем среди кипарисовых аллей было тенисто и тихо. Гудел волосатый шмель. Какая-то птица монотонно уверяла: «Сплю-ю у... сплю-у...»

Левка и Нурр-Яхди остановились у памятника Зиновия Петровича Соловьева, основателя Артека. Левка тихонько прочитал надпись: «Бережно относись к своему здоровью и здоровью других. Передай товарищам, как жил в лагере и чему научился». Левка учился купаться



Нурр-Яхди.

и загорать. Не думайте, что это так просто. Конечно, лежать на солнце кверху животом всякому приятно. Но Левка честно поворачивался по команде врача: пять минут — и повернуться на бок. А после хорошо окунуться с головой в море. Море теплое и вода гладкая. Конечно, жалко, что мало, но Левка по свистку вылезал на берег. Он не кричал: «Сейчас! Сейчас!»

Он помнил, о чем говорил врач на воздушных ваннах:

— Да, да. Чем вы дольше купаетесь, тем для вас хуже. Вы не поправитесь и не укрепите своего здоровья. Да, да! Вы вернетесь в школу черными, как галки, а тощими, как палки.

Но больше всего Левка любил костры, особенно когда приходили старые большевики из санатории Суук-Су.

Левка любил рассказы о гражданской войне. Костер жарко горел. На небе проступали крупные звезды. И Левка говорил:

— Нурр-Яхди, понимаешь?

И Нурр-Яхди говорил:

— Понимаешь.

Со вчерашнего дня Левка и Нурр-Яхди — легкие кавалеристы.

Утром девочки из третьей палатки нашли под подушкой у Нурр-Яхди ужика.

Во-первых, кто позволил лазать под чужие подушки? Если вы санитарная комиссия, так зачем пищать?! Ужик не гадость, а совсем наоборот.

Девочки ахали. Ка-ак? Разводить под подушкой зверей? Животных? Сегодня ужик, а

ментная спинка. По обеим сторонам спинки блестящие яркие медные краны. Кранов было сорок два.

Ребята из Левкиной палатки заняли умывалку раньше девочек. Они мчались вперегонку. На шее болтались два полотенца: одно для лица и рук, другое для обтирания. Ребята, голые до пояса, намыливались, брызгались, растирались, поливались, визжали, крикали.

— Брр... Пусть Левка девчонкам не говорит... Бррр... холодная...

— Посмотрим, чья палатка чище... Бррр...

— Брр... Легкая кавалерия... Брр...

Нурр-Яхди заглянул в соседнюю кабинку. Серые трубы шли наверху четырьмя рядами перекладин. На перекладинах угрожающе торчали души. Нурр-Яхди поежился.

— Давай я тебе живот помылю, — сказал Левка. — Он у тебя что-то грязный.

Левка взялся за губку и вдруг крикнул:

— Найти косичку!

— Косичку? — спросили все хором.

— С бантиком! — крикнул Левка.

— С бантиком? — удивились все хором.

Но тут помешали девочки. Сколько бы мальчики ни мылись, все равно они чище не будут. Пускай освобождают умывалку.

А Левка закричал: — Все равно найдем!

Но девочки ничего не поняли.

После линейки, за завтраком, Левка снова увидел девочку с заплаканными глазами.

— Ужик — это гадость, — ехидно сказал Левка, — а косичка — это не гадость?



Левка.

завтра... слон. Нет! Девочки вызывают палатку мальчиков на соревнование. Посмотрим, чья палатка будет чище!

Нурр-Яхди с огорчением смотрел на ахающих девочек. Почему они сердятся? И он совал им в руки несчастного ужа.

— Ну, чего в самом деле? — с неудовольствием сказал Саша Брагин, майкопский ударник. — Подумаешь, недотроги какие!

И мальчики чуть не опоздали на зарядку.

На зарядке Левка заметил худенькую девочку с заплаканными глазами. Ее вчера остригли, и она оплакивала свою косичку. Другая девочка шопотом убеждала ее. Левка прислушался.

— Спрятать... никто не узнает...

«Ага!» подумал Левка. В умывалке Левка скажет об этом ребятам.

Умывалка была похожа на громадный светло-серый ящик без крыши. Вешалки протягивали свои деревянные лапки для полотенца. Посередине через всю умывалку бежал широкий светлый жолоб. Его делила во всю длину це-

Столловая гудела, как телеграфные провода. Звякали ножи и вилки. Дежурный врач и вожаемые следили за порядком.

На двух площадках, под навесом с полотняными боками, вытянулись столы. Желтые кувшины с прохладной водой стояли среди коричневых горшков с красными и белыми розами. Плоские солонки сверкали солью. На тарелках лежали горки золотистого хлеба.

Нурр-Яхди сидел рядом с Левкой. Оба поглядывали на стриженую девочку, шептались и кивали головами.

После солнечных ванн и второго завтрака кавалерия начала готовиться к налету.

— Девчонки, они хитрые, — сказал Левка.

— Китрые, — подтвердил Нурр-Яхди.

— Хитрые, — поправил Левка.

— Китрые, — сказал Нурр-Яхди.

— Хи-тры-е, — еще раз сказал Левка.

— Ки-тры-е, — согласился Нурр-Яхди.

— А мы хитрее, — сказал Левка.

— Китрее, — подтвердил Нурр-Яхди.

— Хитрее, — поправил Левка.

— Китрее,— повторил Нурр-Яхди.

— Хи-тре-е,— еще раз сказал Левка.

— Ки-тре-е,— согласился Нурр-Яхди.

И кавалерия выработала план: на воздушке за обедом, до самого мертвого часа, с девочками не спорить.

— Ваша палатка чище? Пожалуйста,— сказал Левка.

— Пожалуйста,— подтвердил Нурр-Яхди.

— Пожалуйста,— поправил Левка.

— Пожалуйста,— повторил Нурр-Яхди.

— Тьфу!— сказал Левка.

— Тьфу!— согласился Нурр-Яхди.

После вечернего чая все сделали вид, что палатка девочек никого не интересует. Легкая кавалерия, по плану, отступила к спортплощадке.

В библиотеке стоял уже хвост — любителей приключений, любителей путешествий, любителей техники. Вы можете взять газету, но читать вам придется уйти подальше: здесь репетируют затейники. У них замечательный оркестр, но он та-ак фальшивит... Впрочем, это не мешает работе редколлегии.

Терраса над морем уставлена столиками. Есть карандаши, есть чернила, кисточки и ручки. А статьи о соревновании с палаткой девочек все-таки нет.

В это время легкая кавалерия налетела на палатку девочек.

Девочки отрицали: никакой косички в их палатке нет. Ищите. Мало ли кто слышал про отрезанную косичку? С бантиком? Это еще ничего не значит. Нина Зайцева ее давно выбросила. Если вы легкая кавалерия, так зачем пицать?

Косички нигде не было.

Тогда Левка сделал пальцами — будто стриг.

— Отрезанная. Косичка.

И Левка сказал:

— Нурр-Яхди, понимаешь?

Нурр-Яхди сказал:

— Понимаешь.

Нурр-Яхди выбежал из палатки. Он отрезал чью-нибудь косичку.

Хорошо, что Левка успел выскочить и схватить его за руку. Хорошо, что Левка помахал перед его носом найденной косичкой, той самой, которую оплакивала Нина Зайцева.

— Вот! — закричал Левка. — Ужик — это гадость, а косичка — это не гадость?

И мальчики хором сказали:

— Ужик — гадость, а косичка — это не гадость?

— Не гадость, — согласился Нурр-Яхди.

И все побежали на террасу.

Вот тогда-то в стенгазете появилась статья: «Сегодня легкая кавалерия сделала санитарный налет на палатку девочек.

Кавалерия обнаружила под подушками, под кроватями, в столиках несколько тонн камней. Девочки хотят на память увезти весь крымский берег. Но самая ужасная находка была в столике Нины Зайцевой. Мы нашли завернутую в бумажку косу с бантиком.

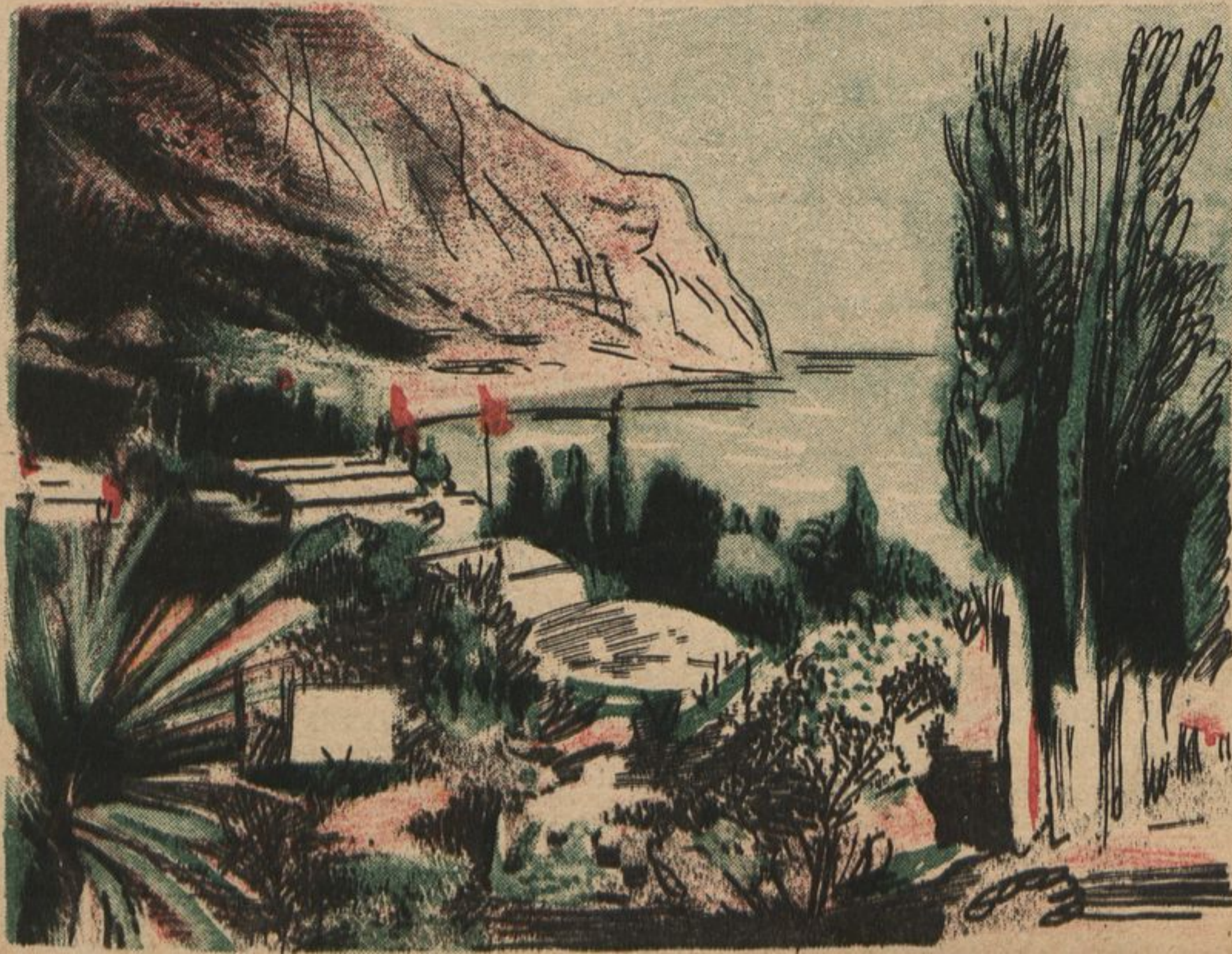
Зачем сохранять такие гадости? Ведь она больше не прирастет».

А на вечерней линейке, когда проиграли зорю и флаг тихо скользнул по мачте вниз и полная луна выплыла над Артеком, Нурр-Яхди сказал:

— Левка, понимаешь?

И Левка сказал:

— Понимаешь.



# Повесть о том, как поссорились Левка с Людой и что из этого вышло

(Продолжение)

Стихи А. Барто  
Худ. М. Михайлис

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*из которой вы узнаете о совете отряда и о том, что Женя, сдавшая норму на значок ГТО, не всегда попадает в цель*



*Это Женя, вожатая отряда. Ей скоро семнадцать лет. У нее на кофточке значок ГТО.*

Все молчат. Глядят на Левку, и никто начать не хочет. Как мышонок в мышеловке, Люда съежилась в комочек.

А у Левки даже уши покраснели от волнения. Вдруг молчание нарушив, Юрка крикнул: — Слушай, Женя! — и для храбрости патрон на боку потрогал он.

— Люда дружит с Варей Бек. Пусть уходит в третий Б. Вон ее из наших звеньев, раз она такой изменник!

Тут вскочила Варя с парты. — Подожди, — сказала Варя, — Мне всего она на карте показала, где Бавария. Где Бавария, забуду, не сердитесь вы на Люду.

— Нет, не надо, Варя, врать, — побледнев, сказала Люда: — поправляла я тетрадь, поправляла, врать не буду.

— Ну, начнем, — сказала Женя и поправила значок. — Ну, ребята, кто начнет? У кого есть предложенья?

— У меня, — сказала Мая, кверху руку поднимая. — Здесь сидят из класса Б Руфа, Петя, Варя Бек. Мы при них бы не хотели говорить о нашем деле. Пусть они уйдут с совета, наша группа вся за это.

— Не уйдем, — сказала Руфа. — Протестует наша группа. Раз у нас совет вожатых, говори при всех ребятах.

— Предлагаю, — крикнул Левка, —  
объявить ей забастовку,  
чтоб никто пятнадцать дней  
не посмел бы знаться с ней.  
Проучу я эту Люду,  
или я не Левка буду!

— Подожди, — сказала Женя  
и поправила значок. —  
На минуточку молчок.  
У меня есть предложенье.  
Вы послушайте сейчас  
мой коротенький рассказ.

Был в Москве один завод, выпускал автомобили. На заводе  
был народ, рабочие там были. Вот в моторный первый цех  
прибегает человек, говорит, что наверху, что в колесном цеху  
вдруг испортился станок.

„Мы чинили, сбились с ног, дайте нам, товарищи, аппарат сва-  
рочный“.

А ему и говорят: „Занят этот аппарат. Ишь, какие  
чудаки, станем вам чинить станки! Отдохните на диване, хва-  
тит с вас, попрыгали. Раз у нас соревнование, значит, ваше  
отставанье нашим вроде выгоды“.

Ну, и правда, очень скоро победил моторный цех. Много  
выпустил моторов, объявил про свой успех. Их в газете по-  
хвалили... Ну, а как автомобили? Так как не было колес,  
никуда он не повез.

— Ну и что? — сказала Мая. —  
Ничего не понимаю.  
Это что-то не про то,  
не про нас, а про авто...

Говорила долго Женя,  
зря истратила заряд, —  
все ребята с раздраженьем,  
с недовольным выраженьем  
на вожатую глядят.

— Люда Шилова, ребята,  
ну, ни в чем не виновата.  
Молодчина, — скажут Люде  
все сознательные люди.

Ей почет и уваженье,  
уваженье и почег...

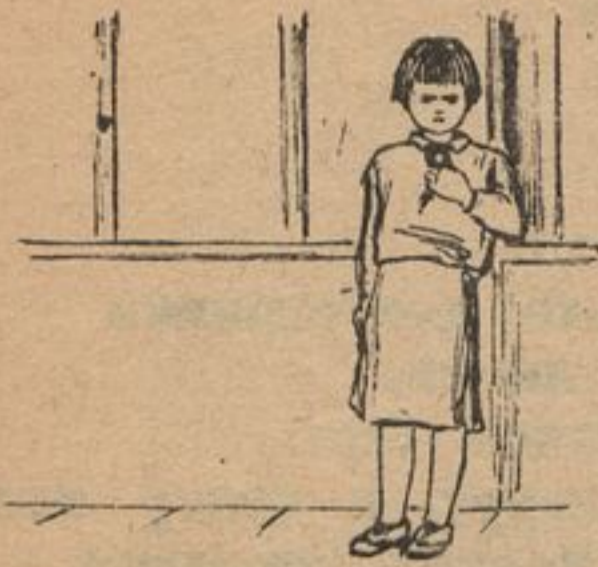
— Мне пора, — сказала Женя  
и поправила значок. —  
Помириться поскорей, —  
и кивнула из дверей.



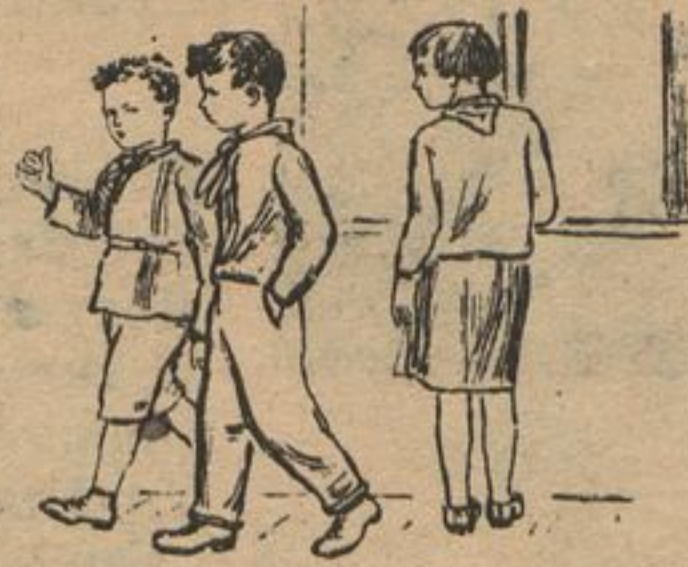
— Предлагаю, — крикнул Левка, —  
объявить ей забастовку,  
чтоб никто пятнадцать дней  
не посмел бы знаться с ней!

— Объявить ей забастовку, —  
закричали все за Левкой, —  
чтоб никто пятнадцать дней  
не сказал ни слова ей!

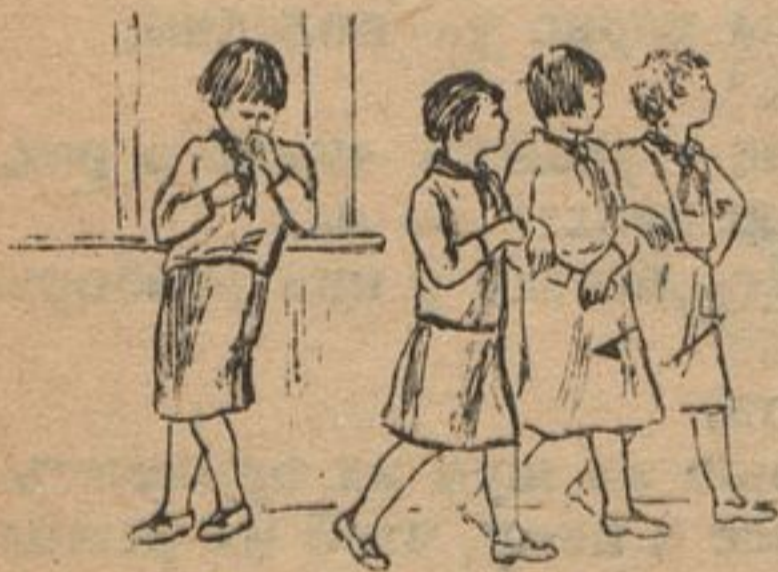
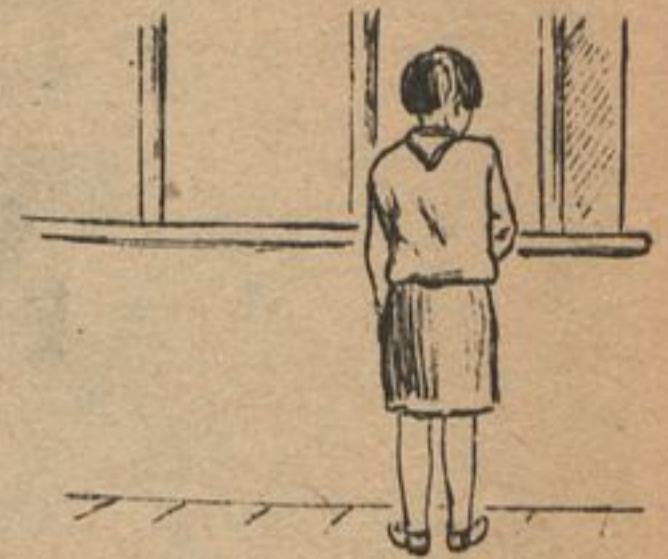




Люда Шилова одна  
в коридоре у окна...



— Вот бы ей бы показали,  
если б это на войне!  
За измену наказанье  
вдвойне.



— Мне ее жалко.  
Нет, я шучу.  
Совсем не жалко...  
ничуть.



— Ты о чем,  
Людмила?  
О чем ты, милая?  
О чем так горячо?



— Нет, я ни о чем...



— Рассказать ты мне  
должна, почему она  
грустна, почему сто-  
ит одна в коридоре  
у окна.



Крылов  
Иван Андреевич.

Знаменитый басно-  
писец.

Родился он в 1768 г.  
Умер в 1844 году



# Басни

## КВАРТЕТ

Проказница-Мартышка,  
Осел,  
Козел

Да косолапый Мишка  
Затеяли сыграть квартет.  
Достали нот, баса, альты, две скрипки  
И сели на лужок под липки,  
Пленять своим искусством свет.  
Ударили в смычки — дерут, а толку нет.  
„Стой, братцы, стой, — кричит Мартышка, —  
погодите!

Как музыке итти? Ведь вы не так сидите.  
Ты с басом, Мишенька, садись против альты,  
Я, прима, сяду против вторы,  
Тогда пойдет уж музыка не та:  
у нас запляшут лес и горы!“

Расселись, начали квартет.  
Он все-таки на лад нейдет.  
„Постойте ж, я сыскал секрет! —  
кричит Осел: — мы верно уж поладим,  
коль рядом сядем“.

Послушались Осла — уселись чинно в ряд,  
а все-таки квартет нейдет на лад.

Вот пуще прежнего пошли у них разборы  
и споры,

Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их прилететь.  
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решил  
сомненье.

„Пожалуй, — говорят, — возьми на час тер-  
пенье,

Чтобы квартет в порядок наш привести:  
И ноты есть у нас, и инструменты есть;

Скажи лишь, как нам сесть!“

— „Чтоб музыкантом быть, так на-  
добно уменье

И уши ваших понежней, —

Им отвечает Соловей, —

А вы, друзья, как ни садитесь,

Все в музыканты не годитесь“.





ЛЕБЕДЬ,

ЩУКА

И РАК.

Когда в товарищах согласья нет,  
На лад их дело не пойдет,  
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука  
Везти с поклажей воз взялись  
И вместе трое все в него впряглись.  
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!  
Поклажа бы для них казалась и легка:  
Да Лебедь рвется в облака,  
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.  
Кто виноват из них, кто прав,—судить не нам;  
Да только воз и ныне там.

*Эти басни написаны 123 года тому назад.*

Худ. Д. Г.



# ДРЫНЬ И МАМОНТ

Г. Льдов  
Худ. М. Генке

1

Это было давным-давно, около семидесяти тысяч лет тому назад. Лед диковинной толщины, местами в километр, покрывал нашу страну с севера до юга. А людей на всей земле было еще так мало, что, пожалуй, все они могли бы поместиться в большом доме Москвы.

И вот однажды в пещере проснулся мальчик. Он не пошевелился, даже не повел бровями. Он лежал неподвижно, точно мертвый, но чутко слушал. Потом он поднял чуть-чуть веки и осторожно поглядел.

Возле узкого и низкого прохода в пещеру квадратом лежал яркий свет. Дальше по пещере свет растекался серыми сумерками. В пещере было тихо. Значит, в пещеру не забрался враг. Мальчик встал с оленьей шкуры, которая была ему постелью. Он зевнул во весь широкий рот, так что задвигались большие уши, и стал ожесточенно чесать обломанными ногтями тело и голову. Ногти были грязные и толстые, как когти. Потом нагнулся, вынул из-под постели острый длинный кремь—его нож—и пружи-нисто пошел к выходу. У отверстия, как всегда, мальчик задержался, посмотрел и послушал, не таится ли где-нибудь враг.

Он ноздрями уловил запах дыма и людей. Справа от пещеры слабо тлел костер. Возле него сидел дед Фуф; так его звали за то, что он часто фукал себе в ладони, точно согревал их. Его обязанность была — поддерживать огонь и мять кожи своими крючковатыми пальцами. Рядом стояла на коленях девочка Уа — так кричала она в детстве. Она подготавливала кожи старику: сдирала с них ногтями и кремнем остатки жира и мездры. Вдвоем они готовили одежды для семьи из шкур, снятых целиком с убитых животных. Только в прорванных местах они прокалывали острыми костями дырки, продевали в них жилы животных и связывали.

Мальчик вышел совершенно бесшумно. Однако люди сразу повернули к нему лица: так они были чутки.

Мальчик прежде всего пошел к скалам. Однажды большой человек с бородой—отец мальчика — забросил туда кишки оленя. С них повисли на камнях, высохли и натянулись. Мальчик случайно задел за них. Они издали разногласный звук: др-р-нь. Мальчику понравилось. Он любил дергать жилы и слушать необыкновен-



ную мелодию. С тех пор стали звать мальчика—Дрынъ.

Дрыню хотелось есть. Он подошел к костру и стал шарить в золе руками. Запахло палеными волосами. Мальчик с досады отбросил свои длинные космы: они всюду мешали ему. Уа и Фуф напряженно следили за Дрынем: вдруг найдет завалившийся кусочек. Но в золе ничего не оказалось. Они проглотили набежавшую слюну, а мальчик голодно зевнул и вернулся в пещеру.

Со свежего воздуха в ней воняло падалью и дымом. Из-за постели Дрынъ достал тяжелую палку. Ее обделал дед: сучки прижег на углях, а в расщепленный конец укрепил камень. Вооружившись, мальчик подошел к костру. Уа по его виду догадалась, куда он собрался, и показала рукой на юг: туда старшие ушли на охоту.

2

Мальчик спустился в долину, где чаще всего проходили олени. Дрынъ надеялся подкрасться и метким ударом палки убить одного из них.

Шел и зорко осматривался кругом, обходил скалы: из-за них могли неожиданно броситься медведь или волк.

Солнце подымалось выше, пригревало, и со склонов гор плыли книзу ручейки ила, смесь почвы и зернистого льда: ил легко таял под лучами и быстро стыл. Он мешал итти, и было под ним нестерпимо холодно.

В одном месте Дрынъ заметил куропаток. Он стал красться к ним. Глубокая пропасть, метра в три шириной, мешала. Обходить было далеко. Дрынъ разбежался, перемахнул ее и пополз в траве. Мальчик выбирал заросли, с которыми сливался пестрый мех его одежды. Там, где паслись куропатки, травы были низкие. Дрынъ затаился в гущине. Глазами он уже ел птиц; и от этого мучительно сжималось в животе. Но мальчик лежал неподвижно. Прошло много времени. Наконец птицы подошли близко. Дрынъ прыгнул. При падении он смял несколько цыплят и тут же стал их пожирать еще живых. Он отрывал руками крылья, ножки, раздирал туловище и кидал в широкий рот. Пахучая кровь щекотала ему десны. Косточки хрустели на зубах. Дрынъ поел все, до внутренностей. Кругом валялись перья. Он задумался, сморщив низкий скошенный назад лоб. Ползая по траве, он заметил дикий чеснок. Вернулся по следу и вырыл хорошее лакомство при однообразной мясной пище. Подзакусив, мальчик пошел дальше и тихонько запел, подражая знакомой мелодии: др-нь...др-нь..

Оглядывая долину, вдруг в глубине ее заметил огромного зверя. Это был тот могучий зверь, которого нарисовал острым кремнем его отец на стене пещеры: большое туловище, толстые ноги, огромные загнутые кверху клыки и длинный хобот. На его костях было много мяса, но людям было не под силу убить такого зверя на открытом месте, даже если объединиться несколькими пещерам. Люди копали на его пути яму, маскировали ее и упавшего туда великана убивали камнями. Тут же лакомились они хоботом и хрящами ушей. После этого много дней не ходили на охоту — мяса сырого и печеного наедались так, что не могли подняться и едва дышали.

3

Дрынъ в первый раз видел мамонта. Он притаился за камнями и горящим взглядом следил, как тот спокойно шагал, помахивая в такт головой. Зверь срывал хоботом пучки травы и клал себе в рот. С ног и брюха у него свисали длинные рыжие волосы. Мамонт свернул в ту сторону, где долина заметно понижалась и упиралась в горы. Он шел медленно, будто гулял, подымал и опускал хобот, помахивал коротким хвостом с пучками волос на конце.

Так зверь дошел до того места долины, куда

натекло много ила с возвышенности. Мамонт зашлепал по грязи. Брызги фонтаном полетели из-под его почти не гнущихся ног. Пройдя по черному месиву шагов двадцать, великан остановился. Так стоял долго. Его смущал противоположный берег. Весь под лучами солнца он истекал илом, и казалось, что земля движется, наступает, как черная волна.

Мамонт стоял в раздумье. Как зачарованный, следил за ним Дрынъ. Вот зверь, который ничего не боится! Все боится его. Туловище мамонта дрогнуло. Он, видимо, хотел переступить с ноги на ногу, но ноги были как вкопанные. И тут Дрынъ вспомнил про губительную силу иловых потоков. Их можно перейти — ноги легко входили, но стоять нельзя: снизу от вечной мерзлоты ил застывал, охватывал ноги в ледяные колодки.

Мамонт сделал еще попытку шагнуть и чуть не свалился. Он сердито крутнул хоботом и стал с силой дергать переднюю ногу: раз... другой... третий... Он дергал, раздражался сопротивлением, дергал еще сильнее, подбрасывал свое тело вверх...

Крик радости вырвался у Дрынъ: мамонт выдернул ногу. Зверь чуть подогнул ее, но не мог поднять выше жидкого ила: толстая кожа не позволяла. Он поворачивал огромную голову по сторонам, точно высматривал помощь и глядел, откуда опасность. Он крутил хоботом возле передних ног, как человек рукой, когда не знает, чем себе помочь. Потом стал дергать заднюю ногу яростно. Грузный зад его колыбался с такой силой, что хвост веревкой трепался во все стороны. Тщетно: ил сжал мертвой хваткой. Мамонт стоял неподвижно. Ил подымался ему по колени.

4

Солнце жгло. Грязные потоки струились все быстрее, они страшно поблескивали на солнце. Под мамонтом ил подымался все выше. Гигант стоял неподвижно, только медленно шевелил ушами или поворачивал голову. Вдруг он снова дернул подогнутую ногу, но нога крепко примерзла. Тогда мамонт грозно взмахнул бивнями, шерсть его взъерошилась. Он расвирепел. Он стал бешено раскачиваться во все стороны. Он рвался из плена. Жидкая масса забурлила под ним.

Дрынъ вскочил. Могучий порыв мамонта захватил его. Мальчик выпрямился и, потрясая палкой, закричал:

— Гу-у!.. Гу-у!..

Его маленькие глаза были полны ненависти, ноздри приплюснутого носа раздулись, отвалилась нижняя губа, обнажив острые резцы.

Дрынъ переживал опасность вместе с мамонтом.

Мамонт бешено раскачивался. Теперь только, видно, он понял смертельную опасность под собой. Бессмысленно грозил он кому-то бивнями, хобот со свистом рассекал воздух... Таинственный враг был сильнее.

Мамонт поднял голову, взметнул кверху хобот и затрубил. Мощный стон отчаяния прокатился волной по долине, раздробился множеством эха в горах. Олени, бродившие на возвышенности, закинув рога на спины, застыли на миг и умчались куда-то.

Мамонт трубил. Дрынъ, раскачиваясь, воинственно гудел, как мамонт — гу-у!.. гу-у!.. — Он хотел, чтобы зверь освободился.

Вдруг Дрынъ услышал далекий шум. Резко повернулся и приготовил палку для удара. Но к нему бежали его отец и мать. Они шумно дышали. Сгав возле Дрынъ, отец хрипло от возбуждения кричал, выдвигая вперед нижнюю челюсть, похожую на дугу:

— А-р-р! А-р-р!.. — он толкал мамонта на бой.

Мать тревожно и горестно крикнула:

— Ты-ый!

— Гу-у! Гу-у!.. — гудел Дрынъ и в азарте топал ногами.

Мерцали черной эмалью потоки, шедестела под ветром трава, колыбался низкий кустарник, трепались космы волос у людей.

Солнце шло к западу. Мамонт перестал трубить и опустил хобот. Конец его скручивался и раскручивался. Люди стояли неподвижно, опершись на свои боевые палки, и молчаливо глядели на гибель мамонта. Зверь опустил голову, уши его обвисли. Ил поднялся ему под брюхо.

Возле гиганта кружились мелкие хищники — полярные лисицы, и песцы — голодно тявкали и скулили, огрызаясь друг на друга. Они ждали смерти мамонта.

Зверя медленно заносило илом.

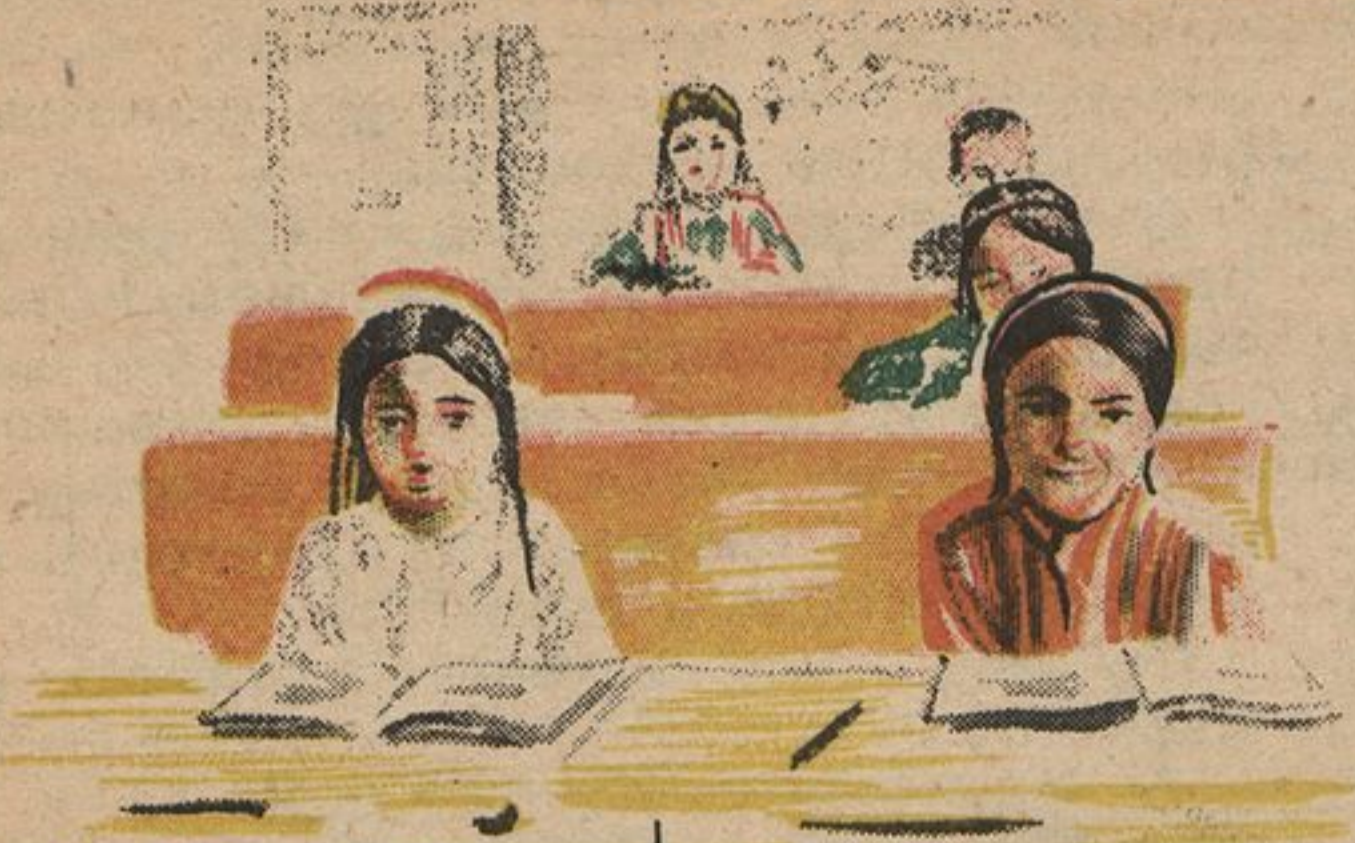


## ЗАГАДКИ

1. На поле родился, на заводе варился, на столе растворился.
2. Какой такой: дышит рукой, головой горит и пищу варит?

# МОИ ПРИЯТЕЛИ ИЗ ТАДЖИКСКОЙ ШКОЛЫ

*Я их зарисовал во время поездки по Таджикистану*



*Это 3-й класс Сталинабадской образцовой школы имени Карла Маркса.*



*Регия помогает готовить уроки своей подруге Альмос.*



*Наджмия в столярной мастерской делает столы и стулья для столовой.*



*Мальчик увидел самолет по борьбе с саранчой и сделал сам модель из планок и катушек.*



*Касимов больше всего любит музыку. Все свободное время играет на наитаджикской свирели.*



*А это юные механики пускают модель паровой машины; они сделали ее под руководством учителя.*

*Худ. Р. Барто*

Как только люди стали жить вместе, они всегда переделывали вокруг себя природу.

Курица раньше жила только в Индии. Человек перенес ее через горы, моря, океаны, и сейчас нам кажется, что курица всегда так и жила по всему миру.

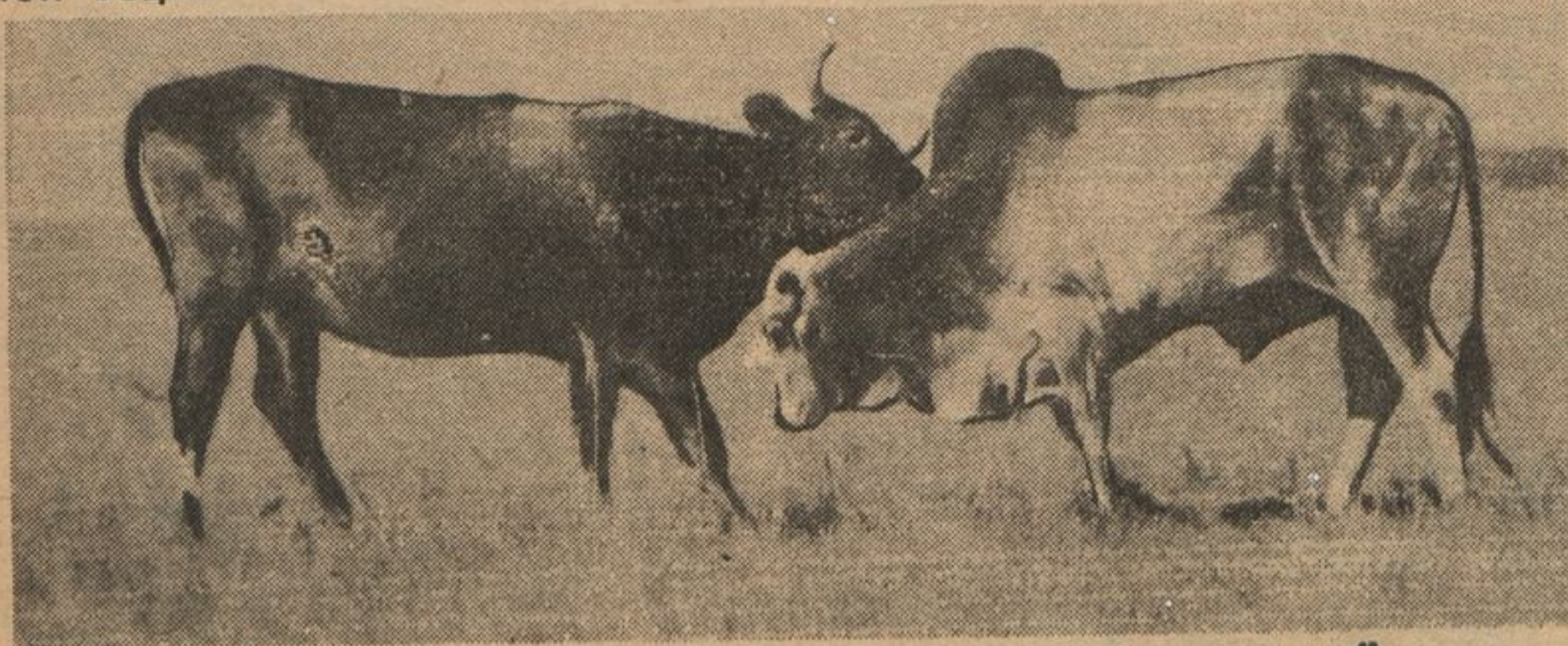
Индюк приехал к нам из Америки. А в Америку через океан приехали с людьми на кораблях собака, лошадь и овцы.

Самые лучшие овцы сейчас в Австралии. А было время, когда там не было ни одной овцы.

Но больше всех в мире учатся переделывать природу у нас, в СССР, чтобы она лучше служила человеку, приносила больше пользы и удобств.

Для этой работы у нас, на Украине, организован институт; он находится в степи, совсем как остров. О том, как ученые превращают диких зверей в домашних и добиваются новых пород животных, написана О. Перовской и Г. Замчаловым книжка „Остров в степи“.

Об этом и эти маленькие отрывки о животных.



**КАК ПОДРУЖИЛАСЬ НЕМКА С ГОРБАТЫМ ПЕТЬКОЙ**

Немецкая корова Краснуха встретила в степи необыкновенного быка. Таких она еще никогда не видала. Он был нарядный, сильный. При каждом шаге на спине у него колыбался горб. И от этого бык казался еще важнее, выше и красивее.

Краснуха долго не могла отвести от него глаз. Потом она погладила его языком по шее. Шерсть у быка была словно бархат.

А быку понравился Краснухин жесткий язык. Он наклонил голову и попросил: „Причеши меня, причеши!“

Они стали пастись вместе.

Этот горбатый красавец был бык зебу, Петька. Он приехал из Индии к нашим северным коровам.

У коров зебу замечательно жирное молоко. Они никогда не капризничают за едой. Какой бы сухой и невкусной ни стала трава летом, зебу ест ее с удовольствием. Поэтому он всегда красивый, гладкий и упитанный.

На южных пастбищах живет невидимка-клевчик. От него все краснухи, яро-

славки, голландки болеют и умирают. А зебу клевчика совсем не боится.

Все это очень хорошие качества зебу. Но есть у зебу и плохие стороны. Он, например, привык разгуливать по Индии и Аравии совсем голиком. А у нас ему в таком виде будет холодно.

Значит, таких Петек, какие они в Индии, у нас разводить не стоит.

А вот если взять у зебу здоровье, красоту, хороший аппетит и качество молока и прибавить к этому теплую Краснухину шерсть и большое количество молока, тогда получилась бы как раз такая корова, какую ждут наши колхозы.

Оказывается, что добиться этого совсем уже не так трудно.

Самая лучшая порода из всех домашних свиней — английская белая.

Сто лет назад к обыкновенной тощей хрюшке привезли в Англию китайского кабана. Встретились они так же, как Краснуха с Петькой, и стали жить вместе. От них родились хорошие дет. Все самое лучшее, что было у китайского кабана, очень удачно прибавилось к



# НА ОСТРОВ В СТЕПИ

тому, что было у хрюшки. Удачные дети дали новую породу — английскую.

Таким же образом, смешивая диких и домашних животных, люди вывели лучшие породы собак, овец, лошадей.

На Украине от Петьки и Краснухи родилась новая корова — Варя.

Про нее ты прочтешь в рассказе „История одной ночи“ из книжки „Остров в степи“.

## АНГЛИЧАНИН ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

У этого белолицого молодца отец англичанин, линкольн. У линкольнов шерсть такой тонины, мягкости и блеска, что шелк по сравнению с ней кажется грубой и тусклой тканью.

Кроме тонкой шерсти, линкольны дают много мяса.

Если бы у нас развелось побольше линкольнов, всем хватило бы красивой шерстяной материи на платья, на костюмы. Но линкольнов у нас мало. Они живут в Англии. Овец мы разводим в сухих степях Украины, Казакстана и Кавказа, а линкольны привыкли жить у моря.

Им у нас слишком жарко и душно.

Значит, надо переделать линкольна так, чтобы он не боялся жары.

Из Таджикистана привезли огромных овец, по имени гиссары. Они такие большие, что на них можно ездить верхом. И жарко им не бывает никогда. А из Англии приехал линкольн.

Вот перед вами линкольн-гиссар. Он сын таджикской овцы гиссарки и английского барана линкольна. Он гораздо больше обыкновенного линкольна. Сни-



мался он в очень жаркий день на солнце. Настоящий линкольн давно бы раскрыл рот от жары, вспотел и замучился.

У нашего нового „большого линкольна“ морда спокойная и довольная, дышит он ровно, жара ему ни по чем.

Это новое животное создано в СССР. Из его прекрасной шерсти выделывают для нас красивые ткани.

## ОНИ БУДУТ ДОМАШНИМИ

Много разных животных живет, растет и бегают около человеческого жилья. Больше двух тысяч разных видов животных. Из такого большого количества люди сделали своими помощниками всего только десять — пятнадцать видов.

Вот, например, антилопы. Их двести разных видов. И ни одной антилопы человек не сделал до сих пор домашним животным.

Если вас спросить, что такое антилопа, вы наверно скажете: „Это такая козочка, которая все время скачет“.

А скакунья-антилопа носит на своем скелете 45 пудов чудесного мяса, а кожа

у нее такая крепкая, что ни льву, ни буйволу, ни носорогу не порвать петель, сделанных из кожи антилопы-канны.

На фото следующей страницы товарищ Сашко. Он воспитал много разных антилоп. Он кормит их из соски, играет с ними, ходит с ними гулять. Смотрите, как дергает его за штаны маленькая канна-антилопа. Она требует молока.

Справа очень воспитанно и прилично стоит бейза Ада. Она крепенькая сейчас и хорошая. А в первые дни своей жизни она едва не погибла. Мать чуть ее не убила. Аду забрал люди, и семь дней и ночей возились возле нее, стараясь на-

учить ее пить из соски. Глупенькая Ада не уме- ла сосать, ей заливали насильно молоко в рот. Она захлебывалась, кри- чала и... нечаянно про- глотила молоко. Распро- бовала и стала пить. Те- перь ей только подавай молока. Маленькая сай- га стесняется снимат- ся, потому что у нее очень некрасивый нос, зато джайранчик даже повернулся лицом, чтобы выглядеть получше. Эти дикие антилопы растут уже домашними. От них разведутся стада новых антилоп. Вот такое стадо описано в рассказе „Во- лодькино семейство“.



*Е. Благовещенский  
Худ. Т. Шевченко*

## Огородная

Вот так обручи — прочны!  
Вот так кадки — гладки!  
Как у нас кочны — сочны!  
кочерыжки — сладки!

Вот так осень — не грустна!  
Вот так небо — синее!  
Репка крепкая хрустит —  
слаще всякой дыни!

Вот мешочки, так мешочки,  
ни одной заплатки!  
Раскатились бураки  
по широкой грядке.

Вот так ветер над селом  
ищет ходу-броду!  
Как у нас-то за столом  
собралось народу!

Вот так ужин, вот так обед,  
вот так ложка-плошка!  
Уродилась, удалась  
крупная картошка!

# МОДЕЛИ В ВОЗДУХЕ

А. Абрамов

В Москву 7 августа со всех концов Союза съехались на слет юных авиостроителей почти 200 ребят. Больше 200 моделей привезли они. И все модели разные. Самые простые — палочки с крыльями, пропеллер и пучок резины — мотор. И самые сложные — по виду настоящий самолет. Как только поднялась модель с земли — хлоп! — колеса спрятались в крылья, чтобы уменьшить сопротивление воздуха. Ослабел резиномотор, спускается модель — снова хлоп! — выдвинулись колеса, и модель спокойно садится.

Жили все ребята в летной школе Осоавиахима, а модели испытывали на берегу Москва-реки, около Тушинского аэродрома. И летчики очень интересовались моделями. Приходили посмотреть, как летают, и все спрашивали: „Ну что, кто сегодня летал дольше всех?“ Они так и говорили — „кто“, будто летали сами ребята, а не их модели. И в самом деле: когда модель не вовремя начинает спускаться, так не то что ее строитель, — никто на месте не стоит, все подпрыгивают, кричат: „Куда, куда?“ А наклонится модель на крыло — каждый, кто смотрит, изгибается. Только все это... не помогает.

В первый день испытаний был довольно сильный ветер. Даже коршун, что парил над склонами берега Москва-реки, падал с крыла на крыло. Глядя, как ловко он справляется с неожиданными порывами ветра, завидно становилось моделистам.

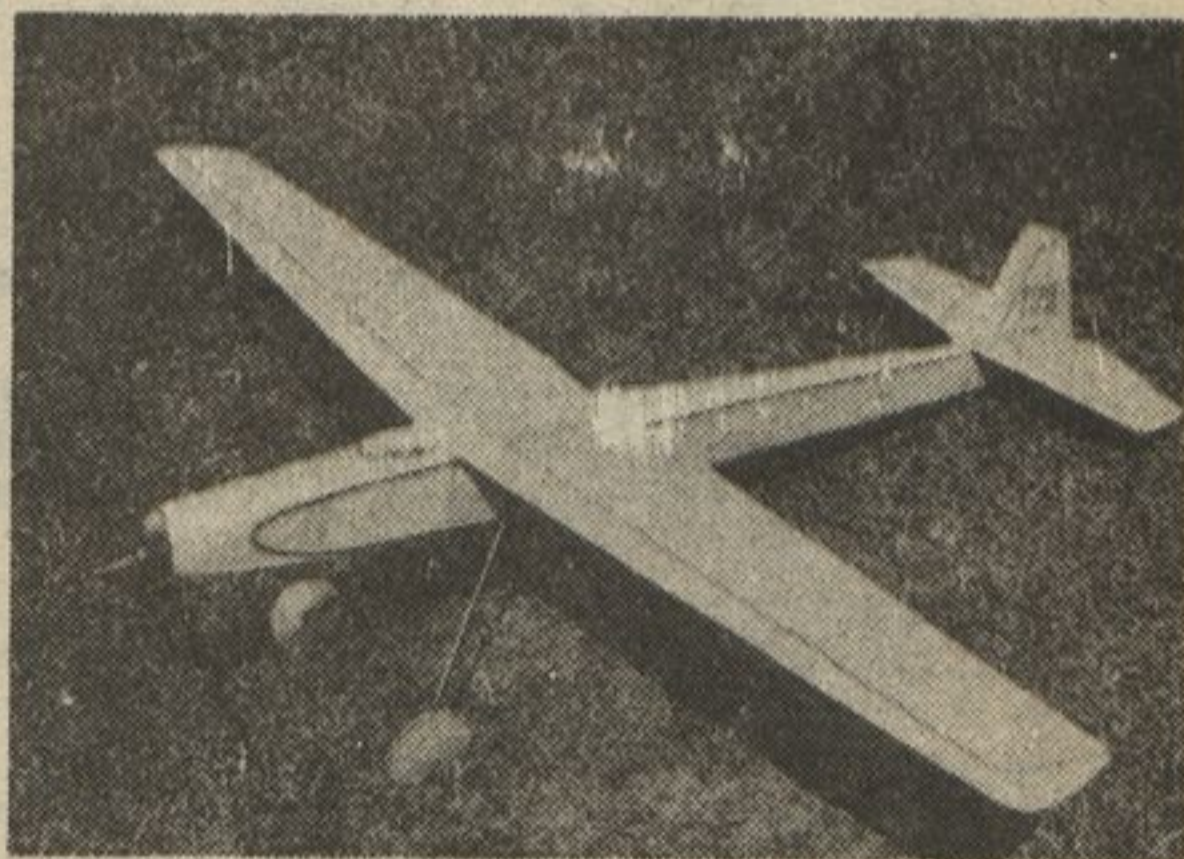
Ветер не смутил и другую птицу. Она раз в тридцать больше коршуна и гудит большим винтом. Она свободно идет куда угодно, и когда ветер валит коршуна на крыло, она только слегка покачивается, не изменяя направления.

Дождались наконец. В тихий день все поле заняли ребята. Всюду модели, как на большом аэродроме самолеты. Но когда к столу, где сидела комиссия, подошел Ваня Иванов, все бросили свои дела и подошли посмотреть. Дело вот в чем. До слета в Москве были районные слеты в разных городах. Ребята готовились. И вот в г. Новосибирске модель Гены Макарова пролетела 4 километра. Так далеко еще в мире ни одна модель не летала. Рядовались новосибирцы: „Вот покажем в Москве!“ Но недолго радовались. Через несколько дней прочли в газетах, что в г. Уфе модель Пети Левченко пролетела почти 5 1/2 километров. И досадно было, что победил их Левченко, и радостно, что новый мировой рекорд установлен. Еще труднее будет заграничным моделистам за нашими угнаться. Но и Петя Левченко недолго торжествовал. Запустил свою модель Ваня Иванов, товарищ Гены. Поднялась модель высоко и так пошла, что поняли ребята — не догнать. А рядом аэродром был. Прибежали к летчикам: „Скорей, скорей вылетайте! За моделью нужно последить. Новый мировой рекорд будет!“

Сел летчик в настоящий самолет; загудел мо-



*Запуск схематической модели.*



*Фюзеляжная модель.*



*Шура Гапоненко (Краснодар) пускает свою схематическую модель гидросамолета.*

тор, сорвался самолет с места и помчался вдогонку. Догнал конечно. Следил Кузаков за моделью 15 километров. Но летели они в облаках, модель маленькая, беленькая, и... потерял ее летчик. Кружил, кружил, так и не нашел. Вернулся, докладывает: 15 километров!

Что тут сделаешь—улетела модель, нужно за новую браться. К слету в Москве была готова у Вани новая модель. Вот почему, когда он подошел к столу комиссии, все насторожились. Пустил Ваня. Модель его зажужжала и, как будто по винту, стала подниматься кверху. Поднялась на полкилометра, сбросила резиновый мотор с винтом-пропеллером и пошла прямо. Так шла, что никому ни прыгать не пришлось, ни изгибаться. И ушла. Перелетела через Москва-реку и над городом скрылась. Так Ваня подтвердил на слете свой рекорд.

Следующим подошел к столу Гена Макаров. Что долго рассказывать—так же получилось. Поднялась модель, сбросила мотор и ушла к Москве. Тоже потерялась. Когда пришел с моделью Петя Левченко, все заволновались: „Улетит Петя или не улетит?“ И Петя улетел. Остались у ребят три мотора с пропеллерами, а модели пришлось новые делать.

Внимательно следил за полетами Генрих Маранджян. Он большой уже, Генрих: ему восемь лет, он был уже на трех слетах: на городском в Эривани, на всеармянском и закавказском. Его модель сделана не так, как улетевшие, проще—мотор не сбрасывается. Такие модели всегда меньше летают. Но модель Генриха держалась в воздухе дольше таких же моделей всех других ребят. Она пролетела 800 метров в 7 минут 55 секунд!

Еще не закончился слет, а Генрих взялся уже за новую модель, которая должна пролететь еще дальше. Он растет, учится и скоро крепко поспорит с теми, кто успел родиться раньше его.



*Ремонтная база на ходу: моделисты Павлюченко и Васильев (Украина) после неудачных полетов ремонтируют свои модели.*



*Самый юный авиостроитель пятого слета, — Генрих Маранджян. Ему 8 лет, он учится в 1-м классе.*

## СОДЕРЖАНИЕ

Первый в мире — <i>Союзфото</i> , 2-я полоса обложки . . . . .	Загадки — <i>М. Андриевской</i> . . . . . 12
Ужик — рассказ <i>Л. Родэ</i> , худ. <i>Р. Барто</i> . 1	Мои приятели из таджикской школы — худ. <i>Р. Барто</i> . . . . . 13
Повесть о том, как поссорились Левка с Людой и что из этого вышло — <i>А. Барто</i> , худ. <i>М. Михаэлис</i> . . . . . 5	Путешествие на «остров в степи» . . . 14
Басни <i>И. А. Крылова</i> : «Квартет», «Лебедь, Щука и Рак» — Худ. <i>Д. Г.</i> . . . 8-9	Огородная — стихи <i>Е. Благиной</i> , худ. <i>Т. Шевченко</i> . . . . . 16
Дрын и мамонт — рассказ <i>Г. Льдова</i> , худ. <i>М. Генке</i> . . . . . 10	Модели в воздухе — <i>А. Абрамов</i> , фото, 3-я полоса обложки
	Обложка худ. <i>Р. БАРТО</i>

Редколлегия: Асеев Н., Барто А., Маршак С., Смирнов А., Степанова А., Шифрин Н.

Ответств. редактор Н. Венгров.

Оформ. Веретенников В.

Уд. ном. Главлита № Б—39586

Заказ 2150

Тираж 130 000

Типография изд-ва „Крестьянская газета“, Москва, Суцеская, 21.